

К Р О К О Д И Л

№ 18 июнь

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

Рис. Нукрынксы

Против такого конт-
роля Риббентроп и
Гранди не возражают

Рис. Л. Сойфертиса

— Позолоти ручку, красавица! Счастливую дальнюю дорогу нагадаю!

— Нет времени, тетка! Спешу на поезд. Уезжаю в Комсомольск.

ВЕЛИКИЙ СЛЕДОПЫТ

— Чего, чего? — кричал в телефон секретарь парткома товарищ Двухбанный. — Как у нас идет политучеба?.. Она это... Она идет... Политучеба. Да. Чего, чего? Сколько человек было на последнем занятии? Еще не проверил. Через полчаса позвоню и скажу.

Двухбанный встал и, пошвыстывая (что означало у него тяжелое раздумье), вышел в другую комнату.

— Там из райкома спрашивают, сколько человек было на последних занятиях, — обратился он к техническому секретарю.

Технический секретарь пожал плечами. Двухбанный махнул рукой и прошел прямо в цех.

В цеху Двухбанный спрашивал всех подряд:

— Вы были на занятиях кружка?

Все ответили:

— Да!

Двухбанный подсчитал, и оказалось, что на занятии было 116 человек. Это было многовато, тем более что в кружке всего было записано 18 человек. Но Двухбанного не проведешь! Не такой он человек! Снова прошел по цеху и задал всем каверзный вопрос:

— Почему вы не были на занятии кружка?

Многие хотели ответить, что занятия

неинтересно преподаются, но, хорошо зная, что Двухбанный с такими «мелочами» не считается, 70 человек ответили, что были больны сами, 45, — что заболела жена, и один, — что ходил в театр. Итого 116 — на занятиях не было никого.

Добиться истины не было возможности.

В отчаянии сидел Двухбанный, когда в партком вошла уборщица Агриппина Васильевна и принесла утренний чай.

— Что, милый, приуныл? Не болит ли чего? — спросила Агриппина Васильевна с участием.

— Не болит... а... вот не могу узнать, сколько вчера на кружке народу было!

— И только-то делов? Да я тебе помогу, не печалься. Посиди, голубчик, минуточку, попей чайку, а я тебе сейчас разую, — сказала Агриппина Васильевна и вышла.

Не успел Двухбанный выпить и полстакана, как почтенная женщина вернулась.

— Вот тебе, милый, все тут — хоть в райком посылай, хоть куда... Было на занятии пять человек... Один хотя ушел до конца занятий... Ну-те-с... Про что

спрашивали, это только двое знали: Иванов и Хлопов. Копылова не спрашивали вовсе, а Чудотворов не знал кой-чего и обещался, что к следующему разу подготовится как следует. Сам руковод к занятию, конечно, подготовился, но сухо говорит... неинтересно...

— Позволь, Агриппина Васильевна, откуда такие точные сведения?

— Да ведь «обследовала», по-вашему говоря, тут разузнала, там разнюхала. Смотришь, все как на ладони...

— Что обследовала-то?

— Ну, как сказать... Прошла я на место занятий, сейчас посмотрела, сколько окурков? Гляжу — 30 штук валяется. Теперь какие окурки? «Беломорканала» — 10 штук, а «Звездочки» — 20 штук. «Беломорканал» курят Сарайкин да Хлопов. Только недокурного табаку на окурках много. Ну, значит, Хлопов курил: у Сарайкина окурки измятые, надкусанные бывают... Ну-те-с... «Звездочку» кто у нас курит? Николаев, Копылов, Иванов и Лужайкин. У Николаева мундштук желтый, у него окурки необмусленные, значит, не он был. Лужайкин пепел бросает куда ни попадя. Опять, пеплу нету. Выходит, что были Иванов и Копылов.

— Да, да, да... Дальше, Агриппина Васильевна!

— Теперь трубочного пеплу нашла. Так на вес, думаю, человека на полтора. Один, значит, все занятие просидел, а другой сбежал. Это, я думаю, Чудотворов сбежал. Он недавно женатый.

— Агриппина Васильевна, а откуда ты знаешь, кто как подготовился?

— Подожди, не торопись. Там, где копыловские окурки, окно пальцами залапано. Значит, Копылов морду-то к окошку отворачивал. Ну, небось, сама в школе была, знаю, зачем от учителя отворачиваются.

— Чорт возьми! Как просто!

— Теперь: там, где сидел Чудотворов, паркет весь исцарапанный. Стало быть, тоже не знал, чего отвечать, стулом ерзал.

— Ну, а Иванов? Иванов, говоришь, подготовился?

— А то как же. Записочку нашла. Вот его рукою написано. Мол, на такой-то конференции то-то, а на такой-то конференции то-то.

— Понятно. Теперь еще скажи, как ты дозналась про руководителя? Что он знает, но преподает неинтересно?

— А это по воде надо смотреть: если много воды выпито, значит, неинтересно рассказывает. А тут оба графина выпитые. Вот и все.

Товарищ Двухбанный хотел было поблагодарить Агриппину Васильевну, но в этот момент раздался звонок из райкома, и Двухбанный, махнув рукой, стал кричать в трубку:

— Чего, чего? Политучеба? Как же, проводится политучеба... Ты ступай, Агриппина Васильевна, я потом тебя позову... Чего, чего? Охвачено? Да, на сегодняшний день охвачено...

В. СЕЛИГРЕЕВ

НА ПАРНАСЕ

Когда совершается какое-нибудь грандиозное событие — ну, там, завоевание Северного полюса, мировой рекорд на планере или, наконец, беспосадочный перелет в Америку, — то чувствуешь себя, с одной стороны, счастливым, а с другой стороны, несчастным.

С одной стороны, радость заполняет сердце, что у нас совершаются такие грандиозные победы, такие завоевания мирового значения. А с другой стороны, как-то неловко на душе становится, что этого еще не бывает на нашем, как говорится, литературном Парнасе.

Нет, перелеты у нас есть, но они по большей части совершаются еще сравнительно небольшие — примерно до Кунцева и обратно.

Конечно, душевно страдаешь от этих дел, потому что так хочется сделать что-нибудь исключительное, полезное и достойное нашего времени.

Ах, это очень досадно, что у нас не бывает таких приборов, какие имеют летчики. В этом смысле прямо приходится завидовать летчикам.

Там у них на самолете все отмечается согласно научным данным: какой подъем, какая, скажем, температура, сколько истрачено масла, денег и так далее.

Летчик летит и сразу видит, что с ним.

А у нас, предположим, кто-нибудь там полетел под самые небеса со своим литературным товаром.

Кругом литературные облака. Туман. Ветер. Что-то моросит. Вдруг какой-нибудь там критик, поглядевший в бинокль, говорит:

— Ой, глядите, куда этот-то махнул. Глядите, и пропеллер у него вертится. Ну он будет почище вашего Бальзака.

И тогда все начинают аплодировать. И детишкам показывают:

— Вот, малютки, учитесь летать на этом примере.

И наш литературный авиатор, услышав подобные слова, начинает выписывать на небе кренделя. Детишки плачут и жмутся к матерям.

Но вот другой критик, почесавшись, говорит:

— Не только этот дармоед что-нибудь там завоевал, но он просто нам все небо закоптил своим присутствием. Гоните его сверху.

Третий критик говорит:

— Вообще это — чистое арапство с его стороны, что он летает. Тургенев и тот выше летал.

И тут наш славный завоеватель, делающий мертвые петли над кровлей своего родного дома, падает к чорту вниз.

Главное, что в летном деле подкупает, — это точные приборы.

Конечно, критик — это тоже вроде как отчасти научный прибор.

Но одно дело — бездушная машина, а другое дело — человек с нежной душой.

Если летчик имеет мужественное сердце, он садится в свой самолет и летит как птица. А если самолет хорошо сделан и летчик вдобавок имеет прекрасные намерения, замечательный маршрут и героическую душу, то победа почти всегда за ним остается.

А у нас другой там мужественный человек сядет за стол. И етол, предположим, хорошей работы. И материальная часть сравнительно в порядке. И масло есть. И намерения прекрасные. А оно что-то не летится.

Сидит человек на стуле и страдает. И читатель, законно рассердившись, говорит:

— Глядите, какой еще один нашелся. Этот нахал выше своего стула приподняться не может. И никаких горизонтов не открывает.

Нет, профессия у нас не так интересна, как другие профессии. Единственный ее плюс — это то, что все, кто хотел, имели счастье в ней поработать.

У летчиков, говорят, строго. Там, говорят, и близоруких не принимают и у которых сердце с перепугу замирает, — эти тоже не годятся. И которые страдают туберкулезом, тех вообще на аэродром не пускают.

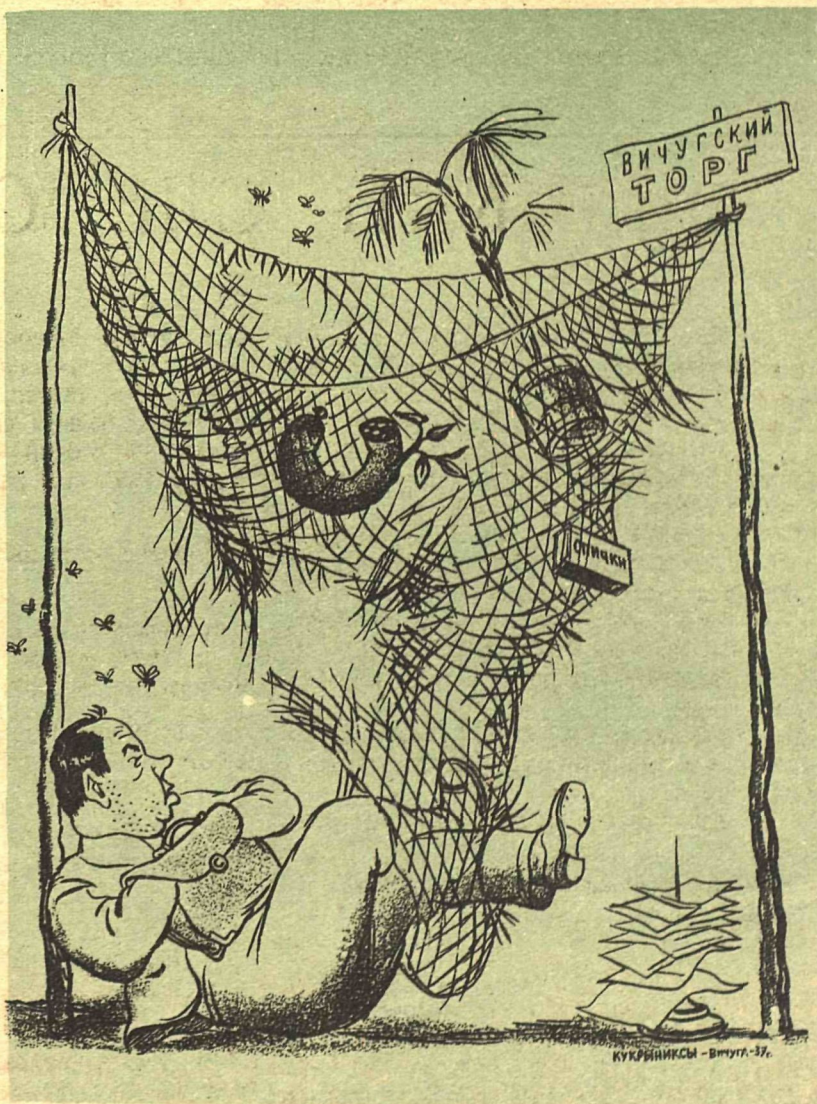
А у нас в свое время, как увидят, бывало, что человек перо до некоторой степени умеет в руках держать, так его под духовой оркестр несут и с почетом сажают за стол. И он что-то такое пишет от всего сердца. Как может. А может он плохо. И даже, прямо скажем, совсем не может.

И через это, я так думаю, много хороших людей у нас на этой почве ноги поломали, падая с неизвестной высоты.

Может быть, критики, эти, так сказать, наши хрупкие приборы, скажут свое веское слово о причинах вынужденных посадок на Парнасе.

Заслуж. деят. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

Рис. Кукрыниксы (г. Вичуга)

Заведующий вичугским райторгом Шишкин и его торговая сеть.

Директор и Главбух

И вот когда наступила 1002-я ночь, Шехерезада продолжала: «Неизвестно, когда началась вражда между собакой и кошкой и кто в ней виноват.

Так не было согласия и мира между Директором и Главбухом на одном заводе. И причиной вражды между этими двумя достойными людьми были только деньги, хотя они не принадлежали ни тому, ни другому.

«О печень моя!» — думал Директор и призывал к себе Главбуха. «О сердце мое!» — думал Главбух и шел в кабинет Директора.

— Заплати это и то, — говорил Директор.

Главбух читал в своих бумажках и отвечал, что за «это», пожалуй, можно и заплатить, хотя можно было бы и не платить, но за «то» платить никак нельзя: расход, по плану, не положен, и денег на это нет.

— План — это я, — говорил Директор, — сделай, как я приказал.

— Слушаю и повинуюсь, но денег нет, — упорствовал Главбух.

— Иди и выдумывай деньги!..

— Пусть выдумывают мошенники...

Видя упрямство этого ишака, Директор призывал своего визиря — Заму, и они вдвоем продолжали беседу.

— Ты срываешь план производства! — кричал Директор и стучал кулаком по столу.

— Завтра закрывается завод, — добавлял Зам и тоже ударял по столу.

И они до тех пор кричали и стучали, пока у Главбуха не распухла голова, и тогда он решился истратить те деньги, которые тратить было нельзя.

«Деньги не мои, и я их не крал, — думал он, — как-нибудь спрячу концы».

Но не всегда можно было прятать концы, и тогда Главбух говорил так:

— Напиши, что ты хочешь, и я исполню твоё желание, о Директор!

— Некогда мне писать, — отвечал Директор.

— Почему он не отколотил резкого слугу? — спросил калиф зевая.

— О повелитель, — отвечала Шехерезада. — В этой стране нет слуг и карать можно только по закону.

— Вот как? — заметил калиф (после 1001-й ночи он ничему более не удивлялся).

«...Но озлобление Директора с каждым днем возрастало, и, наконец, он поклялся не бриться и не испытывать семейных радостей, пока не избавится от этого упрямца.

Поистине, Директор был мудрый и дальновидный человек. Настолько дальновидный, что, не покидая своего кабинета, он видел все так же ясно, как будто бы завод помещался между двумя чернильницами на его столе. В этих чернильницах было что-то волшебное. Созерцание их всегда диктовало Директору самые верные решения.

Главбуху некогда было наблюдать за чернильницами.

День и ночь сидел он у Кассы, сводя свои расчеты. И все на заводе считали Главбуха драконом, который оберегает заколдованную принцессу — Кассу.

Так думала и Охрана труда, тайно храня в своем сердце зависть к столь прочной верности.

И вот однажды она сказала Главбуху:

— Неужели ты не устал и не хочешь отдохнуть?

— Незачем мне отдыхать, — буркнул равнодушно Главбух, щелкая на счетах и ворочая пыльные бумаги.

— Зачем ты элишься? — продолжала Охрана труда. — Бери пример с меня. Погляди на меня, какая я полная и здоровая, а все оттого, что я добрая и не злюсь.

Но Главбух даже не посмотрел на Охрану труда и зарылся с головой в свои пыльные бумаги.

Тогда зашевелились змеи в сердце Охраны труда, и она отправилась к Директору.

— Главбух нарушает законы, — сказала она.

— Объясни, какие? — спросил тот.

— Он обсчитал ударника Соцстрахова на 50 копеек!..

— О несчастная!.. О дочь ротозея! — воскликнул директор. — И ты молчала, преступно скрывая эти грязные дела!

Испугалась Охрана труда и обратилась к визирю Заму.

Тот несказанно обрадовался.

— Мы поймает этого лиса в его норе! — ликовал он.

И они пошли по цехам расспрашивать рабочих.

— Ты все свои деньги получил?

— Какие деньги?

— Заработную плату.

— А что такое?

— Соцстрахова Главбух обсчитал.

— Что ты говоришь? Может, и меня обсчитал?

— Проверь и скажешь...

Не успела Охрана труда расспросить нескольких, как тревога охватила всех, — и тогда из темного уголка, там, где сваливали мусор и утиль, выползла, шипя, Клевета и включилась в шум моторов и трансмиссий...

На утро добрая Охрана труда положила на стол Директора Акт.

Тогда директор выбросил Главбуха за ворота.

Вольно вздохнули все: Директор побрился и разрешил себе семейные радости, а Охрана труда приказала проветрить помещение.

Но с той поры Касса стала хворать. Неизвестно, от тоски ли по

Главбуху или от другой причины, но бока Кассы с каждым днем западали все глубже.

Пригласили врачей. Но пока те устанавливали диагноз и прописывали микстуры, Касса неожиданно скончалась. В последнем издыхании она открыла свой желтый рот, и тогда все увидели, что брюхо Кассы пусто: она умерла от голода.

Жутко стало многим. И в наступившей тишине стали слышны шаги Закона. Он поглядел на труп Кассы, и ему все стало ясным.

Директор заперся в своем кабинете, дрожал и вопрошал чернильницы. Закон схватил за шиворот Директора.

— Почему умерла Касса? — спросил Закон.

— Я... я не знаю, — пролепетал Директор.

— Ага, ты не знаешь, так я знаю! — загремел Закон и потащил за собой Директора.

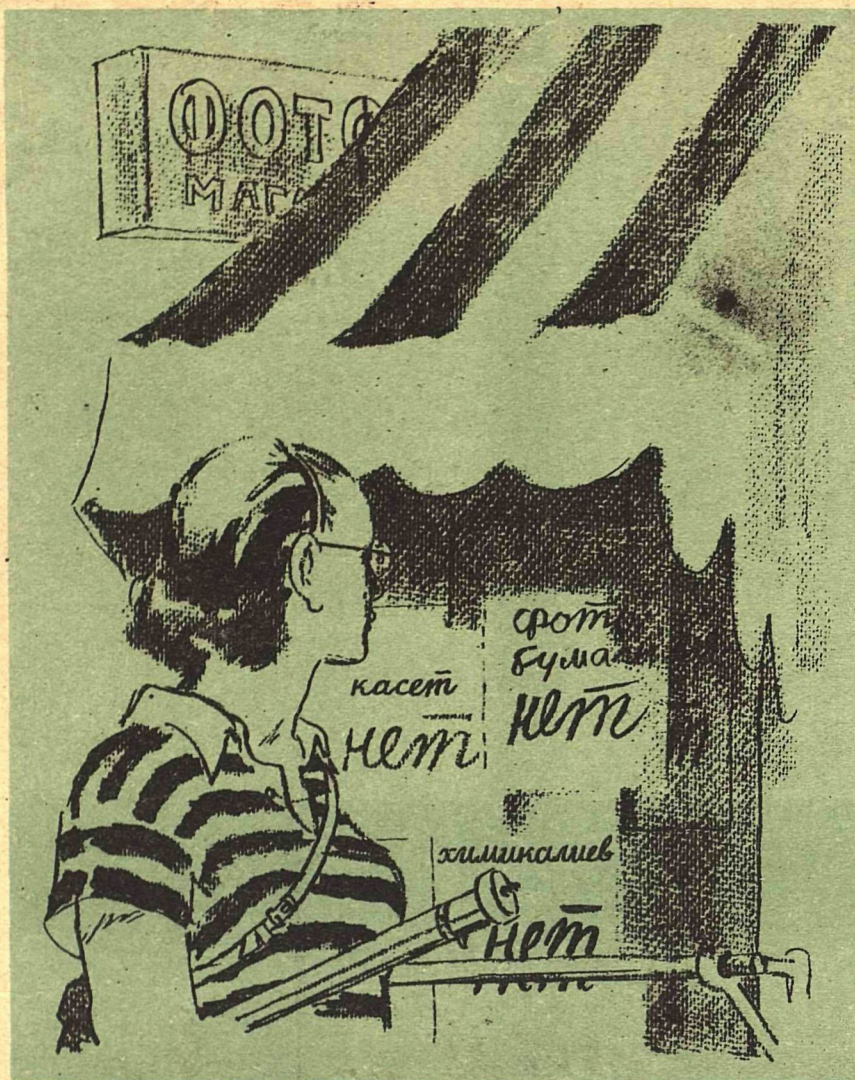
Харьков

М. ТРУБИН

Обстоятельство, которое никак нельзя сбрасывать со счетов, готовясь к выборам в советы трудящихся.

Рис. Л. Сойфертиса

— Полюбила я на печаль свою!..

И Н О С Т Р А Н Е Ц

Он вошел в кабинет директора периферийного оперного театра и ломаным русским языком сказал, что он хотел бы работать в театре, что он «дирижер». Директор переглянулся с помощником и прошептал: — Это марка!.. Иностранец! Нашего Иван Петровича Кузовкина на вторую очередь тогда.

А дирижер, боясь, что его не повяли, взял со стола красносиний директорский карандаш, помахал им. Увидев на окне бутылку пива «Вена», подчеркнул Вену и еще раз, дирижируя карандашом, сказал: — Я есть дирижер. Из «Вена».

— Понимаем, понимаем, — успокоил его директор и, сам перейдя на «э», добавил: — Документ имэетэ?

Дирижера приняли. Он оказался очень посредственным дирижером. Даже барабанщик говорил:

— Иван Петрович Кузовкин куда чище дирижировал. Такого дирижера и я, пожалуй, заменю.

И помахивал своими барабанными палочками. Помощник советовал директору:

— Расторгнуть с этим дирижером контракт — и все.

— Что ты, что ты! — возражал директор. — Иностранец же, марка! Одна беда: стоит он спиной к публике, а кто разберет, что спина у него иностранная? Пускай хоть он оперы объявляет.

Теперь дирижер, открыв партитуру, громко говорит:

— Пудит исполнен опер «Рюслан и Людмила»...

— Вот это так, вот это так, — улыбается в ложе директор. — Теперь все видят, что это, брат, тебе не какой-нибудь там Иван Петрович...

Н Е У Д А Ч А

— Видите, дорогой Аркадий Мироныч, вы психологию людскую не знаете. Говорите, что мои подчиненные не читают приказов. Висят на стенке, выцветают и все. Правильно! Надо учесть психологию... Я вот где-то читал, кто-то придумал: на бумагах, которые надо читать, написал сверху: «Секретно»... И все заинтересовались. Поставьте на наших приказах: «Совершенно секретно»... От чтецов тогда отбою не будет.

— Попробуем.

— Средство верное.

Через несколько дней Аркадий Миронович докладывал:

— Не читают, Сергей Павлович, не читают. Подойдут, прочитают: «Совершенно секретно» — и дальше.

— Вот народ нелюбопытный.

Не в том дело, Сергей Павлович. Привыкли. У нас ведь секретные бумаги прямо на столах валяются. Завтраки даже в секретные бумаги завертываем. Ну народ и привык к этой секретности...

Сергей Павлович сердито крикнул и прекратил разговор.

В. Тоболяков

УДАЧА И НЕУДАЧА

У двери Сенька Хлыщ развернул записку и прочитал еще раз:

«Дорогой товарищ Никифоров, как мы уговорились, посылаю тебе товарища...»

— Чорт! — пробормотал Сенька, — Пишет — «товарища»... Давно ли я стал товарищем самому прокурору! Давно ли мы друг друга величали: «Гражданин подсудимый!» «Да, гражданин прокурор?» «Гражданин подсудимый, признаете ли вы себя виновным в том, что, воспользовавшись отсутствием жильцов, вы проникли в квартиру № 7 дома 25...»

Сенька улыбнулся, на секунду прищурился и быстро пробежал глазами записку до конца:

«...товарища, которому необходимо срочно дать работу. Товарищ Стахеев — немного шофер, немного механик, знает слесарное дело. Очень прошу отнестись к нему со всем вниманием. Жму руку. С. Калюжный».

— Ну что ж, попробуем начать честную жизнь!

Сенька, вернее, товарищ Стахеев, нажал кнопку звонка. Очень молодая, очень голубоглазая, очень курносая домработница приоткрыла дверь.

— Товарища Никифорова можно?

— А его нету! — радостно объявила работница.

— Нельзя ли подождать?

— Отчего нельзя?! — с еще большей радостью воскликнула работница.

Сенька прошел в указанную комнату. Осмотрелся («Кое-что есть!» — по старой привычке подумал он) и сел в углу. Опять мысли пошли все по тому же кругу: конец блатной жизни; начало честного существования.

Дробные шаги отвлекли Сеньку: голубоглазая работница подходила к нему.

— Слышь, товарищ, ты посторожи квартиру. Я в лавку схожу за мылом.

— Ступайте.

Хлопнула входная дверь. Сенька снова задумался. На этот раз его потревожил шорох в окне. Сперва появились в комнате ноги в коричневых брюках. Затем с медлительной осторожностью появился обладатель этих ног и брюк.

Сенька замер Только, когда человек был уже в комнате целиком и неосторожно стукнул локтем об оконное стекло, Сенька сказал:

— Коряво работаешь, Муха!

Человек вздрогнул. Голова его мотнулась в сторону говорившего.

— Хлыщ? Сенька?! Ты?!

— А похож на меня? Ну, значит я.

Муха нехотя улыбнулся и присел.

— Ты-то как сюда попал, Семен?

— А ты?

— Я? Да я две недели над этой квартирой работаю. Знаю, кто живет, кто когда приходит, кто уходит... Вот работница ушла — думал, свободно...

Муха почесал затылок и подозрительно поглядел на приятеля:

— Как же теперь будет? Попролам что ли: возьмем?

— Зачем — пополам? Я раньше тебя взошел. Квартира, считаю, моя.

— Ну да! Так я и отдал!

— И отдашь.

— Нет, не отдам!

Сенька нахмурился, встал и, поглядев сверху на щуплого Муху, промолвил:

— А ну, возьми!..

— И возьми! — нерешительно возразил Муха, — думаешь, не взять?..

Помолчали.

— Проклятое наше дело, — обиженно заговорил Муха, — вот: две недели ходил вокруг квартиры и — опять неудача... такая неудача...

— Это верно, — кивнул головой Сенька, — худое ремесло. То впустую работаешь, а то, например, засыпешься...

— И не говори! И пока не засыпался, покою нету. Всего боишься.

— Вот, вот... А засыпешься — в исправдоме это что — жизнь? Люди на воле, а ты как коза на веревочке.

Муха закрыл глаза, покачал головой, цыкнул, крикнул и махнул рукой.

— И не говори... Ну, давай, выноси товар, а не то эта чертовка вернется...

— Не вернется. Я ее знаю... Н-да, плохо живется нашему брату...

— Жизнь такая кислая... Жениться, например, и то нельзя. Только начнешь любовь крутить — пожалуйста за решетку. А пока ты сидишь, какой-нибудь техник или счетовод уведет жену...

— Не-е-ет, человеческой жизни нам не полагается. Я вот смотрю, Муха, чего ты не бросаешь эту работу?

— Я не бросаю? — Муха снова почесал затылок. — Привык я. Потом сама работа нравится. Тонкая работа и — заработок. Ну сколько мне жалования могут положить? От силы 500 рублей. А тут в одной квартире хватанешь... Вот я в последний раз унес: облигации, кольца, часы, столовое серебро, бобровый воротник, отрез... Шесть с половиной тысяч дали. А всего четыре дня высматривал. Потом, конечно, пошел кутить. В три дня — три тысячи.

— А остальное?

— Не успел. Взяли меня.

— Сколько сидел?

— Со скидками — год.

— Значит, заработок-то три тысячи не за четыре дня, а за год?

Эта мысль поразила Муху своей новизной.

— Как ты говоришь? — переспросил он. — За год три тысячи?

— Ну, а как же? Ведь неистраченные три с половиной тысячи у тебя отняли?

— Отняли. Это верно. Что же это выходит?.. Позвольте... Что ж я за 250 рублей в месяц в тюрьму сидельцем нанялся... Вот это да! Вот это оторвал...

Муха пришел в крайнее возбуждение.

— Хе-хе-хе... хи-хи-хи... 250 рублей... отвалили... Люди ходят по улицам, никого не боятся... на собраниях голосуют... детей в вузах обучают на конструктора... в газетах портреты помещают... а тут за 250 рублей сраму не оберешься.

Сенька чуть-чуть нагнулся, как бы готовясь нанести решительный удар, и сказал:

— Ну как, давай, бросим блатную жизнь?

— Да я бы... да хоть сейчас... да вот как только?

— Что-нибудь придумаем. Значит, бросаешь?

— Ну бросаю!

— Верное слово?

— Ну, будь я лягавый!

Друзья разговаривали так горячо, что не заметили вошедшего в комнату гражданина с небольшими усами и портфелем в руках. Совершенно внезапно для обоих приятелей гражданин спросил:

— Простите, товарищи... вы к кому?

Сенька, солидным жестом подавая записку (в то время как Муха делал судорожные движения в сторону окна), сказал:

— Мы к товарищу Никифорову...

— Это — я...

Пока Никифоров читал записку, Муха звенящим шопотом бубнил на ухо Сеньке:

— Вот это ты ловко... Только давай оба в окошко, пока он читает.

Сенька мягко положил руку Мухе на плечо.

— Ну что ж, — сказал Никифоров, складывая записку, — шофер мне нужен. Завтра в 9 утра пожалуйста на завод...

— Спасибо. Товарищ Никифоров, а вот еще нельзя ли пристроить приятеля?..

Сенька кивнул подбородком на Муху.

— А что вы умеете?

— Я немного отмычки знаю... Потом фокусы... Ой! (Это Сенька ударил в бок говорившего). Я ведь смолodu столяр был... Про меня говорили: руки золотые... Я, если хотите знать, резницкую работу превзошел... Мне это фалец отобрать, одно удовольствие.

— Ну вот тоже завтра к 9 на завод...

На улице Муха, восторженно глядя на Сеньку, заметил:

— Ох и ловкач ты! Ну и ловкач! И мне какая удача!

— Ты смотри у меня: заднего ходу не давать!

— Ну что ты, Сеничка, да будь я лягавый... У меня руки золотые. Мне это фалец отобрать или лес хорохорить — первое удовольствие...

В. АРДОВ

ДОСТАТОЧНОЕ ОСНОВАНИЕ

Рис. Л. Генча

— За что вы деньги берете? Ведь в саду ничего нет!
— Надо же билетеров оплачивать.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

НА БУ

(СТРАШНЫЙ РАССКАЗ)

Время близилось к полночи. За окном бушевала вьюга. Что-то громко топало по крыше, и ночной ветер всхлипывал и хохотал в печной трубе каким-то нехорошим, почти человеческим голосом. Прокурор Автономной республики Коми сидел в своем кабинете и разбирал дела.

Было тоскливо, неудобно и даже как-то тревожно, словно в ближайшие минуты могло произойти что-то неожиданное и неприятное.

— Бом, бом! — прогудели вдруг большие стенные часы, начиная отбивать двенадцать.

— Карау-у-ул! — завизжал ветер в трубе. — Бью-у-ут!

В тот же момент дверь кабинета широко распахнулась, и на пороге показался бледный, взволнованный секретарь.

— Товарищ прокурор, — промолвил он, громко стуча зубами. — Вам опять это самое... По-по-покойный п-прошлого-годник... П-прошлого-годний покойник... Заявление прислал.

— Чур меня, чур! — сказал прокурор. — Какой еще покойник? Чего ему надобно?

— Денег требует-с! Недоплаченной зарплаты за три месяца 630 рублей и страховые по бюллетеню. Да вы вспомните! Тот самый молодой специалист из Маслопрома, что помер в 1934 году. Он нам уже писал прошлым летом...

— Гм! — задумчиво сказал прокурор, постукивая красным карандашом по столу. — Прямо не понимаю. Первый тому подобный случай в моей практике. Ну зачем покойнику понадобилась такая куча денег?

— Да вот я и говорю, — оживился секретарь. — На кой ляд ему деньги? Спящий в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий... Пивных и биллиардов на том свете нет, никаких таких дорогостоящих культурных развлечений не полагается. И что он выдумал, прямо ума не приложу!

Оба замолчали, охваченные недоумением и раздумьем.

— У-у-у! — взвыло в трубе, и сухая, снежная крупа, словно десять костяных пальцев, громко забарабанила по оконному стеклу.

— А, чорт, — сказал прокурор, нервно передергивая плечами. — С этими делами прямо заболеть можно. Ты вот что, братец, напиши-ка в учреждение, где работал этот назойливый мертвяк. Пускай прольют окончательный свет на вышеупомянутый вопрос и сообщат по принадлежности...

...Время близилось к полночи. За окном бушевала гроза. Летний ливень громко барабанил по крыше, и ночной ветер завывал на чердаке как сорок тысяч мартовских кошек. Младший командир Н-ской части Николай Переруков сидел

в своей комнате на раз'езде Кушуба, Северной железной дороги, и разговаривал с приятелем.

Разговор шел о каком-то большом денежном долге, который Переруков уже несколько лет безуспешно взыскивал с учреждения, где раньше служил.

— Да, брат, — говорил он огорченным тоном. — 630 рублей, как одна копейка, — зарплата за два месяца и отпускные за месяц.

— Чудак, — лениво сказал приятель, попыхивая трубкой. — Почему же ты не взыскал этих денег тогда же, в 1932 году?

— Почему? — пожал плечами Переруков. — Спроси этих делег из усть-куломского Маслопрома, почему на их текущий счет в Госбанке наложили арест в то время. А потом я тяжело болел и около трех лет лежал в больнице.

— Да ты думаешь, они у меня только эти 630 рублей зажили? — прибавил он, распаясь. — Чорта с два! Я за все это время и по бюллетеню ни копейки не получил! Мой бюллетень должны были заверить в том самом усть-куломском Маслопроме, где я работал как специалист. Ну послали его туда из вологодской больницы и — поминай, как звали!

— Чудак! — безапелляционно сказал приятель, вынимая трубку изо рта. — Что же ты не жаловался?

Переруков безнадежно махнул рукой.

— Куда я только ни жаловался! Писал и в Маслопром и в тамошний райисполком. Обращался в газету «Правда Севера». Прокурору Автономной республики Коми два раза писал. Как горох об стену! Ну скажи, пожалуйста, чем ты можешь объяснить такое...

— Бом, бом! — пробили за стеной часы, начиная отзванивать полночь.

В тот же момент дверь широко распахнулась, и на пороге появился политрук части.

— Здорово, товарищ Переруков, — сказал он, как-то странно ухмыляясь. По вашему делу ответ пришел. Почитайте-ка, что пишет ваша бывшая комсомольская организация из Усть-Куломы.

Переруков развернул маленькую и довольно грязную бумажку с официальным штампом. Текст ее был краток, но содержателен:

«Переруков Николай Ильич умер в больнице в г. Кирове в 1934 году, заболел белой горячкой».

— Да, — тихо и серьезно сказал политрук. — В этом деле действительно без мертвецов. Мертвые чиновники. И это называется комсомольцы! Да и прокурор, по совести говоря, тоже оказался не очень живым человеком...

— У-у-у! — взвыл ветер на чердаке. — Зажу-у-у-лили!!!

МИХ. ЛЬВОВ

Рис. Л. Сойфертиса

— Почему не танцует медведь?

— Да ведь публика требует западного готовился.

ВМЕСТО ОБЗОРА ПЕЧАТИ

ПОРА, ДАВ

Один наш знакомый водник, мужественный читатель газеты «Водный транспорт» и вообще человек бывалый, недавно явился в Крокодил и молча положил на редакционный стол объемистую папку.

Заметив испуг на наших лицах, добрый старик поспешил развязать папку и вынул оттуда какую-то газетную вырезку.

— Вырезка № 1, — громко и с чувством прочитал он, — взята из передовой статьи газеты «Водный транспорт» от 24 июня 1934 года. Название: «За твердый государственный план, дисциплину и порядок». Текст: «...Вместо подлинной большевистской перестройки до сих пор идут на Волге сутажничество и ведомственная возня... Пора, давно пора положить предел всем этим безобразиям...»

— Мало увлекательное чтение, — констатировали мы. — Дальше что у вас?

— Вырезка № 2, — прочитал наш гость в том же торжественном тоне, — взята из передовой статьи газеты «Водный транспорт» от 4 июня 1935 года. Название: «На борьбу с авариями и простоями». Текст:

«...Положение с авариями и простоями попрежнему архитяжелое. Каждый день... происходят многочисленные аварии... Не идут нисколько на убыль и простои... Пора, давно пора выбросить за борт реакционные, заскорузлые приемы работы и руководства...»

— Слушайте, — неделикатно прервали мы чтеца, — это начинает надоедать. Долго еще это будет продолжаться?

— Еще два года, — вздохнул диспетчер и продолжал: — Вырезка № 3. Взята из передовой статьи газеты «Водный транспорт» от 8 июня 1936 года. Название: «Настоящий порядок». Текст:

«...Положение на Нижней Волге создалось архискверное. Масса судов становится к стенкам заводов на повторный и аварийный ремонт... Аналогичные сигналы мы имеем со Средней и Верхней Волги, северозападного бассейна, с Енисея, Камы и Иртыша... Аварии на

УТКИ ОТЦА НЕПОПА

ных танцев, а Мишка еще не перепод-

НО ПОРА!

убыль не идут. А во многих паромовых число их с каждым днем увеличивается... Производственная распушенность и недисциплинированность проявляются... в самых различных вариациях...

— Еще одну минуту потерпите, — заплетаясь языком сказал диспетчер. — Оглашаю последнюю вырезку. Взята из передовой статьи газеты «Водный транспорт» от 10 июня 1937 года. Название: «Прекратить отставание». Текст:

«...Водный транспорт попрежнему плетется в хвосте и является тормозом для всего народного хозяйства... В центральных управлениях, в паромовых и на пристанях велики распушенность и недисциплинированность... Разгильдяйство и распушенность приводят к авариям...»

— Четыре года одно и то же! — горестно сказал старый диспетчер. — Четыре года газета попискивает, виноват, я хотел сказать пописывает, а нарком водного транспорта почитывает. А воз, как говорится, и ныне там. Пора, давно пора положить предел всем этим архискверным безобразиям, которые создают на водном транспорте архитяжелое положение!

— Послушайте, товарищ диспетчер. А нарком водного транспорта Н. И. Пахомов — он-то знает все это?

— Конечно, знает, — сказал диспетчер, — все приказы Николая Ивановича начинаются с довольно точного описания архитяжелых безобразий, существующих на водном транспорте, каковой является тормозом народного хозяйства. Я вот хочу сделать еще одну работенку: подобрать приказы Николая Ивановича в таком же порядке по годам. Подберу — и тоже доставлю вам в редакцию.

— Зачем? — спросили мы.

— Да так... Вреда от них не будет.

— А польза?

— Насчет пользы не скажу, — застенчиво молвил старый диспетчер, — чего не знаю — того не знаю.

Наконец наступил долгожданный день отъезда на охоту. Охотники — а их немало оказалось на заводе — проснулись ни свет ни заря с бьющимися от волнения сердцами. Утро было погожее, и день обещал быть полным первобытных и необузданных охотничьих восторгов.

Сорок охотников, вооруженные двухстволками, обвешанные патронташами, ягдташами, сопровождаемые собаками, большинство из которых выло и визжало от удовольствия, уселись в грузовики, заботливо поданные завкомом, и поехали в голубую даль, направляясь к озеру, носящему поэтическое название Улыбаш...

По дороге охотники пели песни и прославляли заводской комитет Челябинского тракторного и председателя дорогого и всеми охотниками отныне чтимого товарища Непопы.

— Такого председателя нигде не найдешь! — восклицали одни.

— Лицом к массам стоит наш председатель! — вторили другие.

— Не председатель, а отец родной! — кричали третьи, наиболее восхищенные высокополезной деятельностью товарища Непопы.

Почему же, спросит читатель, вызвало такой восторг среди охотников упоминание славного имени председателя завкома?

А вот почему. В апреле нынешнего года товарищ Непоп, желая наглядно показать заботу заводского профсоюзного комитета о нуждах широких масс, собрал охотничий актив завода и обратился к нему с исторической речью:

— Товарищи! Хотя я лично и не охотник, но, тем не менее, решил сам заняться организацией охотничьего хозяйства... (движение в зале)... На это дело ЦК союза отпустил нам 15 тысяч рублей да директор дал 20 тысяч, да ваши паевые взносы составят примерно 3 тысячи... (возгласы ликования)... Мы, товарищи, заарендовали, закрепили за собой озеро Улыбаш в ста километрах от города и устраиваем там охотничью базу (аплодисменты, переходящие в овацию)... Это будет наше, заводское озеро! Представьте себе: голубая гладь, камыши и — утки, утки, утки, множество уток!.. Во время узаконенных выходных дней вы коллективно выезжаете на озеро Улыбаш — одно название чего стоит! — и возвращаетесь с ягдташами, наполненными дичью доотказу (крики «Да здравствует товарищ Непоп!»).

Воодушевленные речью председателя завкома, охотники тут же начали раскошелиться и собирать паевые взносы.

...Итак, наши охотники едут, поют песни, вспоминают прошлогонную охоту, сеттеры и лягавые радостно гавкают, двухстволки бренчат, и компания приближается к озеру Улыбаш.

Охотники знают: там их ждет председатель стрелковой секции товарищ Беляев — верный соратник товарища Непопы, он уже, наверное, подготовил все, что нужно для базы. Не даром деятельный Беляев, уехав пять дней назад, захватил

с собой десятников, рабочих, лодки и даже трактор!

А вот и Беляев — ура Беляеву! — встречает охотников и машет рукой... Все слезают с машин, и чистый воздух окрестностей озера Улыбаш оглашается радостными кликами и собачьим лаем.

Но — чу! — почему у товарища Беляева постное выражение лица, столь не соответствующее радостной минуте? Почему чело его нахмурено и глаза выражают скорбь? Почему он, бормоча что-то нечленораздельное, приглашает охотников на совещание?

— Какое там, к чорту, совещание! — кричат нетерпеливые охотники, думая, что имеют дело с проявлением ужасной привычки профсоюзников совещаться по всякому поводу. — Веди нас к озеру!

— Друзья, — кротко говорит Беляев, и лицо его покрывается пятнами стыдливого румянца, — дело в том, что получилось недоразумение.

— Что там еще! — вопят охотники. — Хотим к озеру, на уток!

— Друзья, — кротко повторяет Беляев, — суть в том, что никакого озера нет...

— Как нет? А Улыбаш?..

— Улыбаш некоторым образом «улыбнулся»... Впрочем, пойдемте все туда, и вы убедитесь собственными глазами.

Разъяренным шагом охотники двинулись вслед за Беляевым, поспешавшим с таким расчетом, чтобы между ним и охотниками была дистанция, не допускавшая возможности рукоприкладства.

И, наконец, охотники остановились.

— Вот то, что было некогда озером, — сказал Беляев, обводя окрестности перстом...

Перед взорами охотников расстилалась высохшая колдобина, сухие камыши нагло шелестели на ветру. Воды в озере не было и уток не было также...

Вместо живописного озера завком заарендовал пустыню.

— Вот тебе и утки отца Непопы! — сказал кто-то из охотников.

Бедняга Беляев бегал от одного к другому и каждому говорил:

— Паевые взносы получите обратно... получите обратно... получите обратно...

Уныло ползели охотники к машинам. Не слышно было ни песен, ни веселья. Даже псы — и те, словно понимая всю нелепость происшедшего, хранили молчание. Лишь один малосознательный лягаш сделал попытку погнаться за вороной, но был остановлен укоризненными взглядами остальных...

Говорят, что товарищ Непоп теперь видеть не может охотников: он прямо заболевает, когда слышит о них. Охотники давно хотя бы потолковать с ним «по душам», но председателю завкома настолько некогда, что свидание все откладывается и откладывается.

Мы думаем, что его надо понять, товарища Непопы. В самом деле, страшно-то встретиться с охотниками после такого досадного происшествия!

Жутко как-то!

Н. КРЭН

О ФОРМУЛИРОВКАХ, ЖЕСТАХ И ПРОЧЕМ

(ИЗ ФЕЛЬЕТОНА СТЕФЕНА ЛИКОКА „ПУТИ ДИПЛОМАТИИ“)

Формулировка — главное в дипломатии...

Как только найдена формулировка, все становится легче; после этого у дипломатов идет шаг, который называется «жестом». Все, что дипломаты делают: дают друг другу завтраки, ездят в Монте-Карло, приглашают друг друга на охоту, — все это «жесты».

Иногда они сердятся. О! Вы должны были бы послушать, каким резким, непримиримым языком они тогда выражаются! Достаточно вспомнить, как в прошлом году голландский посол заявил: «Если Бельгия настаивает на том, что она имеет право на восточную часть Ситгендема, то Гааге придется принять к сведению, что создано положение вещей, которое она вынуждена будет принять к сведению!» Или как правительство его величества послало ноту в Токио, в которой говорилось, что, «по мнению его величества, если японский флот будет продолжать расти, то он, вероятно, увеличится?»

Это довольно грубые и резкие заявления. Токио вышло из положения только благодаря удачно найденной формулировке. Оно заверяло правительство его величества, что «решительно весь рост строительства японского флота будет направлен исключительно на то, чтобы увеличить его». Даунинг-стрит был вполне удовлетворен.

В качестве примера высокой дипломатии и ошибочности отхода от дипломатических канонов можно привести пример неудачи плана Хора — Лавала в отношении итало-абиссинской войны. Ошибка заключалась в том, что Хор прямо отправился в Париж и, даже не позавтракав, уселся с Лавалем составлять план. Это означало, что «атмосфера» (одна из составных

частей дипломатического мира) была слишком холодная. Надо было позавтракать, потом поставить на патефон пластинку «Вниз по Цане», и тогда получилось бы то, что на языке дипломатов называется «беседой». «Беседы» у дипломатов всегда начинаются одинаково:

«Как поживаете?» «Благодарю вас, отлично, а как вы?» «Прекрасно. Как семья?» «Прекрасно. А ваша семья?» «Отлично. Сын уже в Гарварде». «Так, так, как время-то летит!» «Да-а, летит!».

А вместо этого Хор и Лаваль сразу взялись за дело. Правда, план их был отличный, вполне достойный крупных государственных умов: они предлагали прекратить захват Италией Абиссинии следующим методом: «Поскорее отдать Абиссинию Италии». Ошибка заключалась в том, что они назвали это планом, тогда как его следовало назвать «жестом». Одновременно надо было сделать второй «жест», т. е. предложить абиссинцам «коридор», или «модус вивенди», или какие-нибудь «статус кво», или хотя бы «гарантии». И тогда все выглядело бы гораздо лучше и Хору не пришлось бы уезжать на охоту.

Что, если бы человеческие взаимоотношения шли по дипломатическим канонам? Предположим, что прошлым летом началась склока между Брауном и Джоунсом о заднем дворе, отделяющем земли Брауна и Джоунса. Если бы конфликт велся по правилам высокой дипломатии, мы получили бы следующие результаты:

Склока между Брауном и Джоунсом
(рассказанная обычным языком)

По мнению Брауна, Джоунс не должен бы кидать мусор в дворик, отделяющий его задний двор от заднего двора Джоунса. Сначала они хотели подавать друг на друга в суд, но потом пришли к соглашению, что Джоунс будет оплачивать мусорщика, который раз в неделю будет очищать дворик. Браун-джоунсовский инцидент

(рассказанный на языке дипломатических коммюнике)

Ситуация в отношении коридора, отделяющего территории № 10 Мэдисон-стрит и № 10 Джефферсон-стрит, принимает весьма обостренный характер. Джоунс заявляет, что «Браун хочет превратить его двор в «закрытое море».

Носятся тревожные слухи, будто № 10 Мэдисон-стрит послал ультиматум № 10 Джефферсон-стрит, что если м-р Браун будет делать то, что он делает, то м-ру Джоунсу придется принять к сведению то, что он делает, и рассматривать это как нечто такое, что необходимо принять к сведению. В случае недостижения соглашения в течение ближайших 48 часов ожидается открытый конфликт.

По неофициальным сообщениям ответ м-ра Брауна, что м-р Джоунс может убираться к чорту, не признан удовлетворительной формулировкой.

Блестящий дипломатический триумф Джоунса, нашедшего формулу «Зачем нам беспокоиться о каком-то заднем дворе?», разрядил сгустившуюся атмосферу.

По последним сведениям, Браун и Джоунс собираются вдвоем на охоту на Адирондакские горы.

Перевод с английского А. ЛЕВЕНСОН

ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ АБИССИНИИ

Рис. Бор. Ефимова

- А нищих стало гораздо больше?
— Что удивительного! Ведь и Италия стала гораздо больше.

ОБОСНОВАННОЕ ОПАСЕНИЕ

Рис. К. Ротова

ГЕРМАНСКИЙ КРЕСТЬЯНИН:— Боже мой, круг все суживается. Кажется, скоро захватят под аэродромы и оставшуюся мою посевную площадь.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Коллектив Сталиногорской школы Осоавиахима охвачен тяжким недоумением.

В начале мая у нас закончили обучение на шоферов без отрыва от производства 95 человек. Мы тут же послали требование в Московскую областную экзаменационную комиссию шоферов: так и так, будьте настолько любезны, пришлите 20 мая инспектора для проведения испытаний... И пошла писать губерния! Вот примерно как выглядит это дело по содержанию тех ответов, которые нам нехотя, со скрипом, послала уважаемая комиссия: «20 мая инспектор приехать не сможет. Ждите его 14 июня...»

«Ну, ладно, так уж и быть, ускорим! 9 июня будет...»

«Не смог приехать девятого. Приедет 29 июня...»

А люди собирались, ждали и теряли уйму времени, получив у себя на производстве освобождение от работы специально для сдачи экзамена.

Скажем прямо: после всего этого мы вряд ли удивились бы, если бы областная экзаменационная комиссия прислала нам такую телеграмму:

«Инспектор для испытания 95 выпускников-шоферов приехать не сможет тчк Перегружены тчк Прорабатываем вопрос ускорения подготовки шоферских кадров зпт столь необходимых нашей стране».

А инспектора-то, между прочим, нет и по сей день.

Начальник школы
ФЕДОРОВ.

Сталиногорск,
Московской области.

Дорогой Крокодил!

Весьма оригинальный случай. Украинский садовинтрест решил продемонстрировать свою пылкую заботу об охране социалистической собственности. И вот перед нами протокол № 34 заседания балансовой комиссии этого симпатичного треста. О ужас! Комиссия установила, что в совхозе Трофимовка обнаружена кошмарная недостача сверх установленных норм: целых 5 рублей недостачи! «Под суд растратчиков! — по-

становляет бдительная комиссия в своем протоколе. — Взыскать стоимость похищенного и растраченного!» Тут же подсчитываются недостающие продукты и материалов «в пределах установленных норм». Получается внушительная сумма — 15 346 рублей.

«Утвердить, — лирически изрекает комиссия. — Списывать на соответствующие счета потребителей».

Такие же мудрые решения выносятся по инвентаризации совхоза имени Парижской коммуны, по одесскому и киевскому заводоуправлениям. Надо полагать, руководители Украинского садовинтреста с гордостью восклицают:

— О! Мы крепко бережем советскую копейку!

Ничего не возразишь. Копейку они действительно берегут, чего нельзя сказать, к сожалению, о... десятках тысяч рублей.

Консультант Наркомфина УССР Н. ТИЦКИЙ.
Киев.

Дорогой Крокодил!

29 мая читатели рославльской «Колхозной правды» имели счастье лицезреть в своей газете потрясающе актуальный и сенсационный материал. Он был озаглавлен «Письмо в редакцию» и гласил дословно следующее:

«19 мая в желдорклубе во время постановки «Цветочница» у меня были артистически ловко украдены (повидимому, срезаны) часы, и я оказался до некоторой степени обезоруженным как врач, лишившись этой необходимой вещи. Два мотива побуждают меня сообщить об этом на страницах вашей уважаемой газеты: 1) необходимость предупредить и предостеречь других товарищей; 2) желание высказать презрение жуликам, творящим свои мелкие, гнусные дела в наше радостное и счастливое время. Доктор Розенкранц».

Однако сие мировое событие на этом еще не закончилось. «До некоторой степени обезоруженный» доктор Розенкранц и редакция районной газеты решили еще раз приковать к нему внимание всей общечеловечности, и в № 126 «Колхозной правды» появилась такая заметка:

«Прекрасная работа. — Начальник уголовного розыска тов. Гофт в максимально короткий срок отыскал и возвратил мне часы, похищенные у меня 19 мая в железнодорожном клубе. Восхищен четкостью работы тов. Гофта и выражаю ему благодарность. Доктор Розенкранц».

О жулики, «творящие свои гнусные дела!» Заклинаем вас: не крадите больше ничего у доктора Розенкранца. В противном случае вы украдете у читателей «Колхозной правды» всякое уважение к ее редактору тов. Завалееву, который популяризирует на страницах своей газеты мелкий, слюнявый подхалимаж. А украденное уважение — это ниши: пропало! Даже сам начальник уголовного розыска тов. Гофт не сумеет его разыскать и вернуть владельцам.

С. КОМАРОВ

г. Рославль, Западной области.

Дорогой Крокодил!

Может быть, тебя удивит то обстоятельство, что я, будучи ученым, принужден переписываться с секретариатом Академии наук СССР через твоё посредство, но дело в том, что Академия наук очень меня обидела. И не меня одного.

19 июня в Академии состоялся доклад знаменитого ученого Нильса Бора на тему «Атомное ядро». Я получил пригласительный билет, который и препровождаю тебе, дорогой Крокодил, потому что билет этот относится не к миру науки, а есть, скорее, явление юмористическое. Почему? А вот почему. Когда я пришел на доклад Нильса Бора и наивно показал билет при входе в Академию, меня (как и многих других) на до-

клад пустить отказались. И тут выяснилось, что, желая, обеспечить ученому гостю возможно более полную аудиторию, хитроумные устроители разослали пригласительных билетов вдвое больше, чем может вместить Большой зал Академии наук. Таким образом, эта повышенная вежливость по отношению к Нильсу Бору оборачивается безобразным неуважением к советским ученым.

Не можешь ли ты, дорогой Крокодил, выяснить, кто именно проявил такое недостойное советского гражданина гостеприимство?

Профессор П. ПИМЕНОВ,
действительный член
Всесоюзного института
сельскохозяйственных
органических и
минеральных удобрений.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Обычно тебе пишут о таких случаях, в которых есть что-нибудь смешное. К сожалению, в том, о чем будем говорить мы, ничего смешного нет. Мы вот о чем: на станции Пишпек (Турксиб), рассудительные руководители в одном доме расположили местную больницу и клуб для работников станции. Что из этого получается, понять нетрудно. То тяжело больные (а иногда и безнадежные) хлопчут о том, чтобы духовой оркестр на клубной вечеринке помолчал немного, то, наоборот, заведующий клубом сердится на то, что крики рожениц срывают ему популярную лекцию.

Так вот, дорогой Крокодил, может быть, ты втолкуешь железнодорожному начальству, что такое положение вещей возмутительно.

Секретари комсомольских комитетов: ГОРЧАКОВ, АБАКУМОВ, КАЗАКОВ, ЕВСИН, КОЛЕСОВ.

Станция Пишпек, Турксиб.

Редакция просит товарищей, направляющих в Крокодил интересные документы для опубликования в печати, заверять эти документы. В противном случае редакция не сможет использовать даже самый интересный материал.

— Эй, где расселись? Здесь склад утиля!
 — Виноват! А мы по виду решили: дачная местность!

ГРАЖДАНЕ, ЗАДАВАЙТЕ ВОПРОСЫ!

КОНСУЛЬТАЦИЯ КРОКОДИЛА

(ОТВЕТЫ ДАЕТ СТАРШИЙ КОНСУЛЬТАНТ К. А. ФРОЛОВ, БРАТ КОМЕНДАНТА КРОКОДИЛА И. А. ФРОЛОВА)

Вопрос. Как стать сразу известным литератором?

(Спрашивает читатель Д. из Кунцева).

Ответ. Литераторы добиваются известности разными способами. Некто Файвилович, ленинградский литератор и критик, например, был широко известен в литературных кругах Ленинграда. Особенно громкую известность он приобрел в последнее время, когда ленинградские писатели занялись чисткой своего литературного дома от авербаховской плесени. В эти дни только и слышно было: «Этот наглый мальчишка Файвилович», «Этот авербаховский прихвостень Файвилович». Тогда же проверили, что, собственно, написал известный литератор Файвилович. И вдруг выяснилось, что известный литератор романов, повестей и рассказов не писал. Сценариев, драм, комедий, водевилей и моноскетчей тоже не сочинял. Критических статей и рецензий не изготавлял, стихов не творил. За всю свою творческую жизнь известный литератор Файвилович создал одну (1) газетную заметку «Как я пишу». Этого оказалось достаточно, чтобы прослыть в Ленинграде литератором. Мы, однако, не рекомендуем вам, товарищ читатель Д., творческий метод Файвиловича и говорим о нем лишь с точки зрения профилактики.

Для того, чтобы стать известным литератором нужно хорошо и много писать. Это — очень трудное и хлопотливое дело, но другого выхода для желающих стать литераторами — увы! — нет.

Вопрос. Как самому принимать и разбирать жалобы на самого себя?

(Спрашивает артист гострельбюро Куйбышевской филармонии Гранберн).

Ответ. Для этого нужно поступить на работу в куйбышевский обком союза государственных служащих и подружиться с его председателем Никитиным. Затем, подобно инструктору Ганюшкину, поехать в командировку, скажем, в Челно-Вершинский район, и натвердить там всяких беззаконий и хамства. Затем, по получении жалобы из Комиссии советского контроля, вернуться, подобно тому же Ганюшкину, по поручению того же Никитина, в тот же район для разбора той же жалобы и оную спокойно разобрать.

Вопрос. Как быть с доплатами письмами, поступающими в адрес учреждений. Выкупать ли их или возвращать адресату?

(Спрашивает московская контора Дальстроя).

Ответ. Неужели у вас явились сомнения, как быть в таких случаях? Конечно, продолжать поступать так же, как вы делали до сих пор, например, возвратив доплатное письмо в 10 (десять) копеек Иркутской макаронной фабрике со счетами-фактурами. Пусть вас не беспокоит, что оплата счетов будет задержана. Бережливость — прежде всего. Не даром говорит поговорка: «Рубль есть — и ум есть; нет рубля — нет и ума». Это относится и к 10 копейкам тоже.

Рис. Бор. Ефимова

ДАЛЕКО НЕ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

В свое время Юлий Цезарь произнес знаменитую фразу, состоявшую из трех слов: «Пришел, увидел, победил!». Эта фраза, как и ее автор, вошла в историю.

Председатель Новоархангельского райисполкома, Одесской области, Давиденко тоже недавно сочинил фразу из трех слов и, надеясь, влип в историю. А если не влип, то мы всячески хотели бы, чтобы влип. А дело было так.

За весь 1936 год районный кинотеатр в Новоархангельске вместо запланированных 174 дней работал только 91, в 1937 году, с 1 января по 2 июня, вместо 91 дня — только 48 дней. Причина — возмутительные перебои с подачей электроэнергии.

25 июля Кировское (Украина) отделение кинотреста телеграфировало упомянутому Давиденко:

«Ставлю вопрос тресте снятия вас звуковой аппаратуры связи отсутствием света».

Что бы сделал в таком случае Юлий Цезарь? Телеграфировал бы: «Возражаю. Свет будет. Юлий Цезарь» или: «Сожалению приходится согласиться. Юлий Цезарь».

Давиденко как человек редкого воспитания и головокружительной вежливости ответил телеграммой значительно более красочного содержания:

«Снимите сопли. Полезней».

В старое время на извозничьей бирже человеку с таким изысканным лексиконом цены бы не было.

ЦЕЛЕВОЕ ХОЖДЕНИЕ

В рассуждении обуздания и пресечения излишнего по городу Жиздре хождения, а также для доказательства того, что, кроме толковых руководителей горсоветов, могут там и сям встречаться и люди, скорбные главой, президиум Жиздринского горсовета опубликовал для всеобщего сведения постановление свое от 17 июня 1937 года. В каком постановлении пунктом первым установил уличное движение по городу только до 1 часу ночи, а пунктом вторым воспретил «бесцельное хождение по улицам после указанного времени».

«За нарушение обязательного постановления, — угрожают жиздринским жителям председатель горсовета Белов А. Г. и секретарь Белов И. В., — виновные подвергаются до 100 рублей штрафа или исправительно-трудовым работам до 30 дней».

Что это за такое хождение? И можно ли таким назвать хождение граждан после 1 часа ночи и совместное осуждение этого идиотского обязательного постановления? Нам кажется, что нельзя, потому что цель эта полезная и вполне правильная.

ПРОСТЕЙШИЙ ВЫХОД

Трудно чиновникам проявлять бдительность. Непривычное это для них дело — не канцелярское. И мы прекрасно понимаем, сколько бессонных ночей пришлось провести врид. директора азово-черноморского Сытреста Кузнецовой, пока ей, наконец, удалось поставить «дело о бдительности» на надлежащие канцелярские рельсы.

20 мая она разослала циркулярное письмо всем директорам заводов:

«Прошу срочно проверить все приказы, директивы за 35-36-37 годы вредительского характера и выслать в трест для отмены».

Врид. директора Аз.-Чер. Сытреста Кузнецова».

Себе Кузнецова, очевидно, не решается доверить проверку этих приказов и директив. Во-первых, дело ответственное, во-вторых, трудоемкое, в-третьих, — и, это самое главное, — требующее не чиновничьего, а большевистского подхода. Нет, пусть уж лучше этим займутся директора заводов. Авось, они не подведут доверившуюся им Кузнецову.

УРА С КУРСИВОМ

Холуев, подхалимов можно уподобить клопам. Ты их кипятком шпарь, всякой отравой мори, — кажется, уже все перевелись! А англянь, они снова домовито выползают из своих укромных местечек.

Вот письмо, посланное неким С. Устюговым своему начальству:

«Письмо с курсов продавцов отделения Сибторга, 1937 г. 12 июня. От сотрудника Устюгова, Сергея».

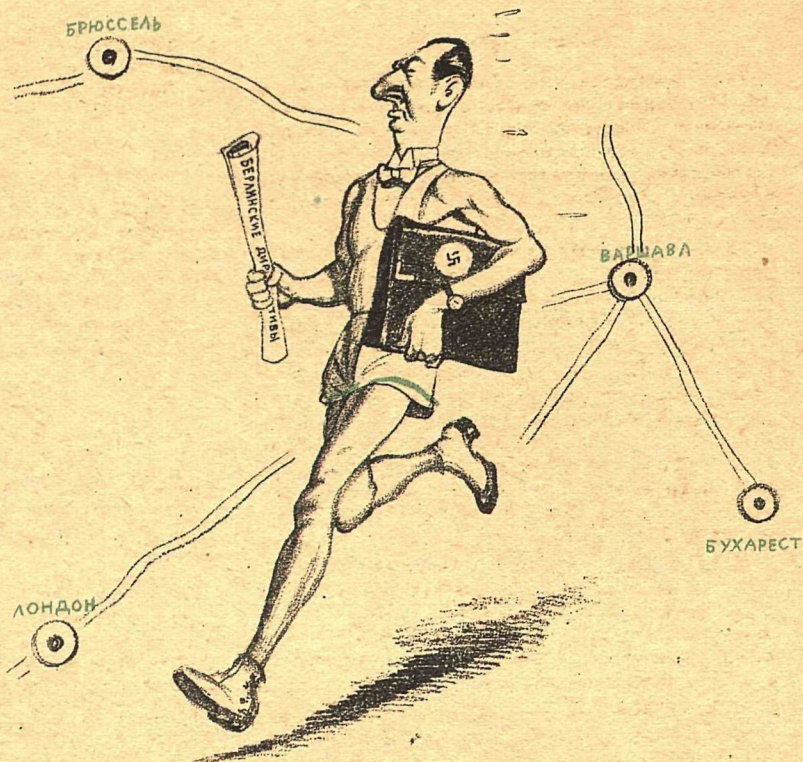
Посылаю горячий пламенный привет администрации Павловского Сибторга во главе управляющему т. Соколову, т. Буравлеву Гр., главному бухгалтеру т. Осокину, сч. т. Дедюхиной, второму счетоводу Киселеву и всему аппарату Сибторга. Ура! (Наш курсив. Устюгов).

На стройке соц. строительства и первой стадии коммунизма мы проходим программу годичную за полтора месяца и об окончании минимума хорошо, а вы по выполнению плана госторговли должны за II-й квартал выполнить минимум на 100%.

На основе этого мы добьемся построения первой стадии коммунизма и начнем постройку высшей культурной жизни коммунизма, то есть второй стадии коммунизма.

С тов. приветом

С. Устюгов.

Рекордсмен на далекие расстояния.

С просьбой:

т. Соколов если можно передайте в газету «За укрепление колхозов» для опубликования».

П. Соколову письмо понравилось и, предвкушая районную славу, он переслал его с резолюцией:

«Передать в редакцию «За укрепление колхозов» для помещения в газете. П. Соколов».

А редактор газеты тов. Коробейников правильно решил, что районной славы, пожалуй, будет маловато, и переслал письмо с резолюцией Крокодилу. А Крокодил взял и напечатал «Дай, — думает, он, — доставлю удовольствие Устюгову и Соколову».

Пламенный привет администрации Павловского отделения Сибторга. Ура! (Курсив наш).

СОВСЕМ ОСОБЕННЫЙ ОТПУСК

Не удовлетворенный закостеневшими формами отпуска, заведующий Выксунской райсберкассой Кузнецов предоставил очередной отпуск инспектору Кашенцеву «с условием посещения райсберкассы ежедневно». Так и ходил несчастный Кашенцев каждый день на четыре часа в райсберкассу работать.

Очевидно, потом Кузнецову надоело вносить изменения в Кодекс законов о труде, потому что сам он ушел в отпуск и сберкассу не посещал.

Справедливость требует отметить, что ни в первом, ни во втором случае выксунский местком финансово-банковских работников не видел оснований для своего вмешательства. Кто их знает, может быть, была такая директива от горьковского обкома союза, чтобы не мешать местным бюрократам издеваться над советским трудовым законодательством?!

ГЛАВБУХ И АКТИВ

Один главбух, ответственный и строгий,
Печальные, увы, подвел итоги:
Потери выше норм, хищения и брак
И на балансе беспросветный мрак.
Растерянный главбух метался, чуть не плача.
Как быть с пассивным салдо?

Вот задача.

„Куда перенести?“ — просил он директив.

„Куда?“ — услышал он.

Немедля на актив“.

М. ШАСЕНКО

ПОДРОБНОСТИ СОВПАДАЮТ

Дорогой Крокодил!

Твой сотрудник В. Ардов опубликовал в № 13 «Неправленную стенограмму» производственного совещания одной столовой. Указано было, что препроводительная бумага при этой стенограмме затерялась в пути и потому невозможно установить, о какой именно столовой идет речь.

Спешим тебя обрадовать, дорогой Крокодил, что мы нашли эту столовую. Она находится в селе Зачепиловке, Зачепиловского района, Харьковской области, УССР, и принадлежит местному сельпо.

Как и полагается, в стенограмме было сказано не все. Начать с того, что калькуляцию цен производит некая расторопная официантка тут же, не отходя от возмущенного потребителя. То есть, если посетители сердятся на то, что битки дороги, цену на них понижают, тут же и в тот же момент, но зато накидывают что-нибудь на рыбу и т. д.

Дальше надо заметить, что вопрос о переходе от многоблюдной системы к одному блюду в этой столовой давно уже решен в положительном смысле. Заведующая буфетом Моисеева — очень крепкий товарищ и беззаветно ругает посетителей при отпуске еды.

Единственно, что нас удивляет в этом деле — появление на страницах Крокодила стенограммы производственного совещания нашей столовой, — это то, что в нашей столовой никаких производственных совещаний никогда не бывает. Но если бы совещание состоялось, оно,

несомненно, протекало бы согласно твоей, дорогой Крокодил, стенограмме. Ст. Зачепиловка.

Инструктора районного потребительского кооператива Левитин и Птушкин
Уважаемый Крокодил!

В № 13 напечатана была «Неправленная стенограмма» производственного совещания в столовой. Спешим сообщить, что стенограмма эта относится, несомненно, к столовой треста «Общепит» города Николаева, Одесской области, на строительстве николаевской ТЭЦ. Все подробности совпадают. В стенограмме не отме-

чена только грязь, которую можно наблюдать невооруженным глазом во всех помещениях и на всей утвари столовой. И еще пропущен очаровательный обычай данной столовой: иной раз дашь официантке талон на блюдо, терпеливо ждешь с час, а потом на скромное напоминание официантка бойко отвечает.

— Никакого талона мы тебе не давали!
В остальном, повторяем, все очень похоже на приведенную в Крокодиле стенограмму.

г. Николаев

В. Харитонов,
А. Михайлов,
Я. Кинаш

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

* Красносулинский городской комитет ВКП(б) обсудил «Открытое письмо секретарю Красносулинского городского комитета», помещенное в № 6 Крокодила. Факты бюрократического извращения советского законодательства и нарушения советской демократии подтвердились. Приняты меры для изжития бюрократизма в работе городского совета.

* Обсудив заметку «Учителя», опубликованную в № 4 Крокодила, Собинский райком ВКП(б), Ивановской области, снял редактора газеты «Вперед» Кулагина за безграмотность.

* В ответ на опубликованную в № 12 Крокодила заметку «Против течения» президиум Всекопромсовета предложил Свердловскому облвсепромсоюзу отменить постановление о кооптации Боегнер в члены пленума. Всекопромсовет разослал директивное письмо о проведении решительной борьбы с нарушениями кооперативной демократии.

* Заведующий Белгородским городским отделом народного образования в своем письме в от-

деле «Писем читателей» в № 11 журнала жаловался на то, что школьные помещения заняты разными учреждениями. Курский облисполком постановил освободить несколько школьных зданий для школ. Кроме того постановлено построить еще две школы в Белгороде.

* По вине работника отдела жалоб прокуратуры УССР была отправлена незаполненная трафаретка. Об этом сообщалось в № 10 Крокодила (см. заметку «Пустое место»). Прокурором УССР наложено дисциплинарное взыскание на этого работника.

* Получив из Крокодила неопубликованную корреспонденцию об извращениях советской торговли в Эдинском районе, Западносибирский крайком ВКП(б) поручил произвести расследование. Преступления установлены. Винозные приклены к уголовной ответственности. Преступления покрывались председателем райпотребсоюза троцкистом Богодюком.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

ДЛЯ ХУЛИГАНА
и любителя
поножовщины
ЛУЧШИЙ
ОТДЫХ
в городе Балашове,
Саратовской области
Чудная местность
на живописном левом
берегу реки Хопра.
СОЛНЦЕ. ПЛЯЖ.
КАТАНИЕ
НА ЛОДКАХ
Полное бездействие
органов милиции и
горсовета.

КАЖДЫЙ
МОЖЕТ СДЕЛАТЬ СЕБЕ ПИАНИНО
по рецепту
ленинградской фабрики пианино
„КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ“
(Плохое сырье
плюс полное неуважение к музыке
и музыкантам).

За более подробными справками о технологическом процессе производства плохих пианино обращайтесь к директору фабрики тов. Былину и главному инженеру тов. Безуглову.

ДОРОГО И СЕРДИТО! ЭЛЕКТРОПОЛОТЕНЦА

производятся 1-м электромоторным заводом малых мощностей Маштехсоюза (Москва).

Незаменимы в местах общего пользования!

Оптовые покупатели совершенно бесплатно получают гигиенические махровые полотенца и изящные эмалированные дощечки с четкой надписью

„Аппарат не работает“.

200 000 РУБЛЕЙ ЗА ДВА ГОДА

можно получить в Арменкино, не ударивши пальцем о палец!

За подробностями обращаться к режиссеру Бек-Назарову, проживающему, кстати, не в Ереване, а в Москве.

ПЕЙ

ДО ДНА, МАЛЬЧИК!

В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА ОТКРЫТА

РОСКОШНАЯ ФАНЕРНАЯ ПАЛАТКА-БАР

МОСКОВСКОГО ТРЕСТА РЕСТОРАНОВ

Продажа спиртных напитков стаканами, стопками и бутылками.

РАЗНООБРАЗНЫЕ ВИНА И ВОДКИ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ И БОЛЬШИХ.

Детям до шестнадцати лет водка отпускается только при отсутствии родителей.

